

Хилков Д. А., кн. Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова к Н. В. Ковалёву. (С портретом Д. А. Хилкова) / Сообщил М. А. Новосёлов // Богословский вестник 1916. Т. 2. № 7/8. С. 379–416 (1-я пагин.). (Продолжение.)

Князь Дмитрий Александровичъ Хилковъ.

Письма князя Дмитрія Александровича Хилкова къ Н. В. Ковалеву.

(Продолженіе) ¹⁾.

ХІ.

23 Іюня 1912 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, страшно мнѣ досадно, что такъ долго не писалъ Вамъ. Бываютъ же такія полосы: не пишется, да и баста. И чѣмъ досаднѣе это, тѣмъ болѣе не пишется!

Вотъ уже третья недѣля, у насъ дожди и холода. Для пчель скверно, а для сѣна еще хуже. А барометръ какъ будто смѣется: два градуса вверхъ, два градуса внизъ! Такъ уже три недѣли. Вчера было „просто холодно“, т. к. дулъ сильный сѣверный вѣтеръ. А медь у пчель убываетъ вмѣсто того, чтобы прибавляться.

25 Іюня. Случился „перерывъ“, и два дня времени не было дописать.

Погода у насъ все то же—пасмурная, дождливая, холодная.

Насчетъ того, что Вы пишете о пьянствѣ, уходѣ изъ казармъ и т. п., то, изъ моего опыта и моихъ наблюденій, корень всего дѣла военнаго, въ смыслѣ дисциплины и правильнаго отношенія къ дѣлу, заключается въ томъ, вѣрно ли начальствомъ задается тонъ. Отъ этого зависитъ все.

Обыкновенно принято легко и легкомысленно относиться къ дѣлу. Трудности службы затушевываются: дѣлается видъ, что все и „очень легко и пріятно“. Масса чувствуетъ въ

¹⁾ См. Бог. Вѣст. Іюнь. 1916 г.

этомъ „фальшь“, и въ блужданіяхъ своихъ, въ тоскѣ и безпокойствѣ нарушаетъ постановленія. Это нарушение какъ-бы „предохранительный клапанъ“.—Тогда человѣкъ чувствуетъ „себя“, какъ онъ есть. Наказанія въ такомъ состояніи страшить не могутъ. Ибо, какъ это ни странно, но именно въ этихъ нарушеніяхъ и есть залогъ, что масса, „съ военной точки зрѣнія, что-нибудь да стоитъ“.

Эта путаница и противорѣчіе оттого, что *томъ* заданъ невѣрно.

Выходитъ, что, когда человѣкъ не придерживается этого невѣрнаго тона, онъ можетъ нечаянно напасть на вѣрный.

Въ чемъ же невѣрность тона?

Невѣрность въ томъ, что выше стоящіе говорятъ, что военная служба „пріятна, легка и одно удовольствіе“. Это неправда.

Она тяжела и трудна для массы. Это и надо говорить и прибавить: но, несмотря на ея трудность, мы одолѣемъ эти трудности, перенесемъ эти лишенія, пожертвуемъ, наконецъ, собой ради Вѣры, Царя и Отечества. И начальству слѣдуетъ возможно больше раздѣлять съ массой эти трудности.

Повѣрьте, что въ такой войсковой части никакого пьянства и отлыниванія не будетъ.

Потомъ не надо театральности. Животныя и массы не лоятся на нее.

Я зналъ командировъ полковъ, которые шли пѣшкомъ на походѣ. Къ чему? У командира другое дѣло. Ему нужно быть сильнымъ не въ ногахъ, а въ головѣ и духѣ. Былъ французскій полководецъ Тюренъ. Передъ большой битвой онъ, выйдя изъ палатки, „дрожалъ отъ страха“. Онъ не сталъ этого скрывать, а, садясь на лошадь, обратился къ своему дрожащему тѣлу и сказалъ: „Презрѣнная падаль, если-бы ты знала, куда я тебя сегодня поведу, ты бы еще и не такъ дрожала“.

Все дѣло въ правдѣ. Рисовкой или скрываніемъ на массы дѣйствовать нельзя.

Принесли Ваше письмо отъ 19-го числа.

Поздравляю Васъ съ успѣхами по стрѣльбѣ.

Это послѣднее время мнѣ очень нездоровится. Вѣроятно, отъ погоды. „Морской Волкъ“—Лондона читалъ. Это произведеніе мнѣ нравится меньше другихъ. Послѣднее его со-

чиненіе „Ясное Солнышко“ мнѣ больше нравится. Недавно читаль Сянклера—„Деньги“. Интересная книга.

До свиданія. Пишите чаще. Мнѣ всегда интересно получать и читать Ваши письма. Только не сердитесь, если я не всегда аккуратно отвѣчаю.

Жму Вашу руку.

Д. Х.

XII.

5 Іюля 1912 года.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ Ваше письмо съ описаніемъ инцидента съ унтеръ-офицеромъ. Мнѣ кажется, что Вы были неправы тѣмъ, что поступили опрометчиво. Я объявляю это себѣ тѣмъ, что Вы не воспитывались въ военномъ учебномъ заведеніи, и потому многое проходитъ безъ оставки „задерживающіе центры“.

Вслѣдствіе этого Вамъ, напримѣръ, должно казаться, что военная служба и обстановка стѣсняетъ, лишаетъ свободы и т. п. А между тѣмъ, я знаю, что нѣтъ большей свободы и простора для личности, какъ именно на военной службѣ.

И это по той простой причинѣ, что на военной службѣ во 1) все ясно и просто, а во 2) все опредѣленно. Правда, есть рамки (но гдѣ ихъ въ мирѣ нѣтъ?), но въ этихъ рамкахъ Вы свободны.

Ни на какой другой службѣ этого нѣтъ. Вездѣ произволь. Вездѣ „залѣзаютъ“ въ Вашу рамку. Все дѣло, значить, въ томъ, чтобы держаться въ предѣлахъ своей рамки.

При этомъ теоретически „рамки“ раздвигаются до безконечности. Ибо „у каждаго солдата въ ранцѣ фельдмаршалскій жезлъ“, — какъ говорилъ одинъ знаменитый воинъ. И вотъ, дѣлать замѣчаніе на слова унтеръ-офицера, несомнѣнно, значить выйти изъ рамки.

Водить дружбу съ унтеръ-офицеромъ есть несомнѣнный выходъ изъ рамки. А потому до добра довести не можетъ. Насчетъ Вашего унтеръ-офицера скажу, что съ военной точки зрѣнія его проступокъ, конечно, больше Вашего, и что вообще онъ въ унтеръ-офицеры совсѣмъ не годится. Но дѣло въ томъ, что при нынѣшнемъ способѣ комплектованія унтеръ-офицерскаго кадра очень трудно имѣть унтеръ-офицерами „военные типы“. Больше попадаютъ въ унтеръ-офицеры

типы „прикащиковъ“, надсмотрщиковъ и т. п. „Штатскіе типы“.

Военный типъ совѣмъ другой. По-моему, онъ выше. Выше въ смыслѣ „жизненнѣй“. Ближе къ жизни. Конечно, предполагаю или думаю, какъ я это думаю, что жизнь есть борьба. И поскольку человѣкъ думаетъ, что жизнь „борьба“, постольку же онъ долженъ „военное“ дѣло ставить выше другихъ дѣлъ. И поскольку человѣкъ понимаетъ всю суровость законовъ жизни, поскольку человѣкъ видитъ и ощущаетъ тѣ рамки, въ которыя существа поставлены жизнью, постольку же онъ не можетъ отрицать—не отрицая жизни—и тѣхъ рамокъ, въ которыя поставленъ „всякій и каждый чинъ“ на военной службѣ.

Я получилъ Ваше письмо, въ которомъ Вы пишете о Вашей женѣ; исполню съ удовольствіемъ, но не знаю ея подробнаго адреса.

Посылаю Вамъ выдержку изъ соч. Л. Н. Толстого. Мнѣ думается, что, когда онъ это писалъ, то былъ недалеко отъ жизни и пониманія жизни.

Вотъ уже 3 дня, какъ качаемъ медъ. Меду довольно много. Если взятокъ продлится, то будетъ совѣмъ хорошо.

Всего хорошаго. Крѣпко жму Вашу руку.

Д. Х.

XIII.

1 Августа 1912 года.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ Ваше письмо отъ 27 Іюля, а передъ тѣмъ—письмо отъ 12 Іюля. Довольно совѣстно, что не отвѣтилъ на него, но все мѣшало то — то, то—се. Ваша жена заходила съ сестрами Вашими. Я сказалъ ей о Вашей просьбѣ и передалъ ей 25 р., такъ что теперь пока, вѣроятно, обойдется. Погода у насъ очень плохая. Послѣднее время дожди и холода. Жита хороши. Озимая пшеница въ экон. полегла съ весны и пропала. Въ Хотѣнской экономіи весь овесъ вылегъ и пропалъ.

Гдѣ овесъ и пшеница были похуже — тамъ хороши. Взятокъ былъ хуже, чѣмъ въ прошломъ году, но пчелы развели много и выкачали больше 100 п. меда. Теперь начнется обыкновенная канитель: некуда продать. Въ Кіевѣ на вы-

ставкѣ не былъ. Не стоитъ. Онѣ такъ поставлены, что учиться нечему.

Я совершенно согласенъ съ выписанными Вами мыслями о „силѣ жизни“ и критеріи жизненности отдѣльнаго чело-вѣка и народа.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ народовъ наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ этого критерія народъ—Японскій. И, какъ это ни покажется страннымъ, именно вслѣдствіе своей отсталости. Отсталости не въ смыслѣ техники, а въ смыслѣ идеаловъ жизни. Династія живетъ 2000 лѣтъ. На дѣлѣ, по духу, по существу — полное и неограниченное самодержавіе, ибо этого хочеть, этого держится всякій японецъ. А держится онѣ этого потому, что любитъ свою страну и свой народъ больше себя.

Никакого равенства, полное неравенство. Какъ въ природѣ. Но такъ же, какъ и въ природѣ, съ того, кому больше дано, больше и спрашивается. Народъ бунтуетъ. Правительство усмиряетъ народъ, но тѣ дворяне, которые довели своихъ крестьянъ до бунта, должны сдѣлать харакири, распороть себѣ животь.

Также и въ войскѣ. Всегда часть вины признается за тѣми высшими, которымъ были ввѣрены низшіе, и часть эта всегда больше, чѣмъ часть низшихъ. И это ввѣдрено въ сознание высшихъ, и указанъ исходъ—харакири.

Какъ видите, у Японцевъ обратное тому, что у Европейцевъ. Въ Европѣ вся „сила“ признается за народомъ. Вся отвѣтственность падаетъ на него одного. За ошибки наказываютъ его одного. У Японцевъ вся сила у правителей, и потому и наказаніе ихъ гораздо суровѣе.

Я лично думаю, что, дѣйствительно, одно самодержавіе даетъ истинное благо всему народу. Я еще думаю, что благо и зло можетъ итти только сверху, а потому центръ тяжести государственной жизни вижу не въ низахъ, а на верхахъ. И если въ Америкѣ верхи — испорчены, то я думаю, что Америка, какъ государство, не устоитъ.

Я читаль объявленіе о переводѣ сочиненія Лондона „Желѣзная Пята“. Совѣтую прочесть. Вы увидите, почему не бываетъ ничего снизу.

Поскольку военная служба, въ сравненіи съ „другими службами“, даетъ наивысшую сумму „свободы“ здоровому

человѣку, постольку же и самодержавіе даетъ больше свободы, чѣмъ республика.

Конечно, я имѣю въ виду извѣстный типъ человѣка, котораго и называю „здоровымъ“.

При этомъ республика на дѣлѣ, на практикѣ вызываетъ въ человѣкѣ наихудшіе его инстинкты и качества. Проповѣдая равенство, въ природѣ не существующее, она извращаетъ всѣ понятія, и на дѣлѣ,—какъ, напр., въ Америкѣ,—приводитъ къ господству самыхъ низменныхъ и пошлыхъ идеаловъ.

Сдѣлайте маленькій опытъ: представьте себѣ, что Вамъ надо выдумать ученіе, которое оправдывало бы, освящало бы всѣ еврейскіе навыки и тенденціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ давало бы евреямъ увѣренность въ ихъ грядущемъ господствѣ надъ міромъ. Я думаю, что ничего лучшаго, чѣмъ ученіе Карла Маркса, Вы не выдумали бы.

Марксизмъ. Научный матеріализмъ. Это — попытка геніальнаго еврея не только прославить свой народъ, но и дать ему увѣренность въ его грядущемъ господствѣ надъ міромъ.

Теперь сдѣлайте то же самое для средняго, глупаго и пошлаго, но съ большимъ самомнѣніемъ, человѣка или группы такихъ людей. Устройте имъ такую организацію, такое общегитіе, при которомъ ихъ самыя плохія и пошлыя качества могли бы „развернуться“. Увѣряю Васъ, лучше республики и парламентскаго строя ничего не выдумаете. И вотъ почему, по-моему, для Америки одинъ выходъ, одно спасеніе, это — самодержавіе. Не конституціонная монархія, а именно самодержавіе. Только одно оно, если останется вѣрнымъ себѣ, своему принципу, идеѣ и идеалу, можетъ заставить „богачей“ служить не себѣ лично, а служить отечеству.

И, конечно, въ Японіи никакой конституціонной монархіи нѣтъ. Это для удобства—въ мелочахъ. Парламентъ—земское собраніе. Въ основѣ Японской силы лежитъ вѣра. И на примѣрѣ Японіи мы, дѣйствительно, видимъ, что только сильная вѣра и самодержавный монархъ могутъ дать силу государству.

Мнѣ кажется, что только потому, что въ Европѣ, подъ натискомъ пошлости, падаетъ идея самодержавія, народы Европы игнорируютъ и не изучаютъ Японіи.

И мнѣ еще думается, что, исходя изъ того принципа, что вѣтъ здоровой и сильной государственной и общественной жизни безъ самодержавія, мы, русскіе, мы, славяне, должны бы больше тяготѣть къ странамъ „самодержавнымъ“: Японіи и Турціи, чѣмъ къ республикамъ.

А мы именно съ Японіей и Турціей и воюемъ.

И я думаю, что дѣйствительное освобожденіе славянъ (не передача ихъ Австріи, а освобожденіе) скорѣе могло быть достигнуто въ союзѣ съ Турціей, чѣмъ въ войнѣ съ ней.

Приверженность къ самодержавію есть очень ясный и точный показатель внутренняго состоянія. Это „состояніе“ ставитъ „обязанности“ на первое мѣсто, „права“ на второе.

Это состояніе заставляетъ человѣка почитать и уважать всякое „сословіе“, пока это сословіе служить цѣлому. Девизъ его „быть“, а не „казаться“ только. Прочитавъ „Деньги“ Синклера, Вы должны согласиться со мной, что республика воспитываетъ и ввѣдряетъ другое состояніе. Одна дама въ Америкѣ, на мой вопросъ, знакома ли она съ „такой-то“ отвѣтила, что она *не можетъ быть* съ ней знакома, т. к. ея мужъ имѣетъ лавку, а мужъ „такой-то“—фермеръ!

Хотѣлъ Вамъ отвѣтить на первое письмо о жизни, а вышло совсѣмъ иначе. Напишу на дняхъ,

Всего хорошаго. Жму руку. Д. Х.

XIV.

21 Октября 1912 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письма Ваши получили. Мнѣ кажется, что тѣ вопросы, которые Вы ставите, можно разрѣшить не по частямъ, а только въ общемъ. Указать ту общую мѣрку, которая приложима ко всякимъ частнымъ случаямъ. Когда мы хотимъ понять кого-нибудь, намъ необходимо уяснить себѣ корень и основу міровоззрѣнія нашего собесѣдника. Вы разбираете сказанія и утвержденія людей вѣры. Вотъ, и надо уяснить себѣ ихъ главную отличительную особенность, и, только уяснивъ, поймемъ смыслъ ихъ рѣчей.

Для человѣка вѣры—вѣрованіе есть духовное „состояніе“, наступившее вслѣдствіе полученія извнѣ, черезъ благодать, „дара Божія“, т. е. „вѣры“.

Для человѣка невѣрующаго—вѣра есть продуктъ его собственныхъ естественныхъ свойствъ и качествъ.

Человѣкъ вѣры, какъ поэтъ, смотритъ и ощущаетъ вдохновеніе, какъ нѣчто извнѣ приходящее, и признаетъ въ этомъ „нѣчто“, извнѣ пришедшемъ, своего Господина—дающаго ему „жизнь“.

Человѣкъ—не поэтъ, прозаикъ, невѣрующій, смотритъ на вдохновеніе, на вѣру, какъ на нѣчто образовавшееся естественнымъ путемъ эволюціи изъ *своихъ* собственныхъ качествъ.

Эти собственные качества называются „плоть и кровь“ или просто плоть. И говорится, что сама по себѣ она не имѣетъ жизни вѣчной.

Также и разумъ самъ по себѣ не можетъ знать дѣлъ Божіихъ. Знать жизни. Выработать жизнь. Имѣть жизнь.

Церковь называетъ этотъ даръ Божій, Вѣру, Жизнь, Истину—Христомъ—Словомъ. И утверждаетъ, что Иисусъ Христосъ—воплощенное Слово, Жизнь и Истина.

Значитъ, безъ Христа нѣтъ спасенія, но Христосъ умеръ за всѣхъ людей, а потому и Китаецъ и Папуасъ могутъ спастись, лишь бы повѣрили во Христа. И вотъ, объ этомъ и говоритъ Ап. Павелъ (Римл. II, 14, 15). Но только надо понимать, что „дѣло закона, написанное на сердцахъ язычниковъ“, не есть писаніе *ихъ природы*, а писаніе Божіе, ибо, по Ап. Павлу, *природа не можетъ* знать дѣлъ Божіихъ, ибо она падшая. И Ап. Павелъ въ Рим. III, 11—18 рисуетъ естественное состояніе человѣка и отвергаетъ возможность для человѣка „спастись естественно“.

По этому воззрѣнію между каждымъ человѣкомъ и Богомъ устанавливается связь (религія) черезъ Христа. И каждый человѣкъ можетъ спастись, если только не отвергнетъ Христа, когда тотъ будетъ стучаться къ нему въ дверь. Изъ этого выходитъ, что форма спасенія для каждого своя. (Не *суть*, а только форма. Суть для всѣхъ одна: это—Христосъ, вѣра и т. д.). Каждому человѣку дается возможность черезъ Христа знать Бога (Евр. VIII, 10—11), стать сыномъ. И всѣ сыны Божіи составляютъ св. Церковь Христову. Въ этой Церкви есть и православные, и католики, и папуасы. Но несомнѣнно, что внѣ Церкви Христовой нѣтъ спасенія, и не можетъ быть. Ибо внѣ ея нѣтъ сыновъ Божіихъ, что ясно изъ предыдущаго.

Я лично думаю, что Православіе есть наилучшая форма Церкви, и это мое возрѣніе живить и питаетъ меня до тѣхъ поръ, пока я не отвергаю другую форму для другихъ. Какъ только я это дѣлаю, такъ и обрывается та паутина, которая тащить меня изъ Ада, и я становлюсь противникомъ Христа и подпадаю Его осужденію, ибо начинаю утверждать, что Духъ не дышитъ, какъ хочетъ и гдѣ хочетъ, а дышитъ только тамъ-то и тамъ-то, и такъ-то и такъ-то ¹⁾.

Главная ошибка Толстого, которая отдалила отъ него всѣхъ „вѣрующихъ“ и приблизила къ нему всѣхъ невѣрующихъ, была въ томъ, что онъ построилъ свое ученіе на разумѣ, на естественномъ, на плоти и крови. Онъ смѣшалъ вѣру и убѣжденія, и смотрѣлъ на вѣру, какъ на продуктъ естественной эволюціи и усилій, а это именно и суть „убѣжденія“, а не вѣра. Для Толстого былъ *одинъ* разумъ, *одинъ* умъ. Для вѣрующаго—ихъ *два*. Умъ плотяной и „умъ Христовъ“, т. е. умъ, просвѣщенный вѣрой (даромъ Божиимъ) черезъ благодать. Для разума естественнаго: Божественность Христа, таинства, молитва, все это—„юродство есть“. Но не такъ для ума Христова. Но для того, чтобы имѣть умъ Христовъ,

¹⁾ Съ этими разсужденіями Д. А. Хилкова о Церкви не лишнимъ считаемъ сопоставить нѣкоторыя мысли о томъ же предметѣ А. С. Хомякова: „...Церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати... Церковь одна... Только въ отношеніи къ человеку можно признавать раздѣлъ Церкви на видимую и невидимую... Церковь видимая, или земная, (видимая, однако, только вѣрующему) имѣетъ въ себѣ пребывающаго Христа и благодать Духа Святаго во всей ихъ жизненной полнотѣ, но не въ полнотѣ ихъ проявленій; ибо творить и вѣдаетъ не вполне, а сколько Богу угодно... Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь назначилъ явиться при конечномъ судѣ всего творенія, то она творить и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человечеству... и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тѣхъ, которые отъ нея сами отлучаются. Остальное же человечество, или чуждое Церкви, или связанное съ нею узами, которыя Богъ не изволилъ ей открыть, предоставляетъ она суду великаго дня. Церковь земная судитъ только себя, по благодати Духа и по свободѣ, дарованной ей чрезъ Христа, призывая и все остальное человечество къ единству и къ усыновленію Божию во Христѣ; но надъ неслышащими ея призыва не произноситъ приговора, зная повелѣніе своего Спасителя и Главы: „не судить чужому рабу“. М. Н.

надо *получить благодать*. И Павелъ говоритъ: „никто не можетъ признать І. Христа Господомъ какъ только Духомъ Святымъ“. И если Х. Х. или У. У. или Н. Н. естественнымъ разумомъ отвергають это, нѣтъ на нихъ вины. Но если-бы они стали отрекаться отъ этого *послѣ* того, какъ имъ это открыто, они теряють жизнь (Іоанна IX, 41 и Луки XII, 47 и 48).

Истины св. Православной Церкви можно принять *только* по благодати. А потому тѣ, которые заставляють людей отъ *нихъ* принимать эти истины, становять *себя* на мѣсто благодати и тѣмъ хулять Бога. И именно этому учили св. Отцы Церкви.

По этой схемѣ выходитъ, что о частностяхъ—каждый говорить и можетъ говорить только за себя. Только въ основѣ и корнѣ *всѣ* сыны Божіи должны и могутъ говорить *одно*: Вѣра—даръ Божій, а не продуктъ плоти. Нѣтъ самозарожденія. Жизнь только отъ жизни. Вдохновеніе есть даръ извнѣ, а не продуктъ, не плодъ личныхъ качествъ.

И если Вы прослѣдите этотъ вопросъ на всѣхъ ступеняхъ: вѣроученіи, наукѣ, искусствѣ и философіи,—Вы увидите, что, дѣйствительно, люди дѣлятся на два типа. И эти два типа Вы откроете и между философами, и между богословами, и между людьми науки, и между людьми искусства. И Вы еще увидите, что въ Толстомъ, напримѣръ, сидѣло два совершенно разныхъ человѣка: художникъ и учитель вѣры. И эти два въ немъ человѣка вели постоянную между собой борьбу. Отсюда и всѣ противорѣчія Толстого.

И, конечно, Вы правы, говоря, что молитвами святыхъ держится міръ. Ихъ молитвы, это—самое реальное дѣло. И святой отшельникъ, напримѣръ, Серафимъ Саровскій, ничего, повидимому, не дѣлающій, по существу дѣлаеть больше всѣхъ. Ибо всякое соприкосновеніе съ тѣмъ міражемъ, который мы называемъ дѣйствительностью, требуетъ „компромисса“.

И если все дѣло въ „вѣрѣ“—даръ Божию, если есть только Единое, а все „текущее“ (явленія) не есть, то понятное дѣло, что отшельникъ, имѣя связь съ Богомъ, имѣеть наипрочнѣйшую связь со всѣмъ тѣмъ Сущимъ, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ и всякихъ явленій.

Поэтому-то Амвросій Оптинскій имѣлъ больше связи съ

душами приходящихъ къ нему, чѣмъ ихъ сосѣди, или родные, или близкіе знакомые:

И, конечно, Вы правы „все дѣло въ жертвѣ“, т. е. въ совлеченіи съ себя всего не-сущаго для выявленія Сущаго (вотъ, что есть, воистину, жертва). Но опять-таки, съ этой точки зрѣнія, жертва должна быть безъ *своеволия*. Тамъ, гдѣ нѣтъ *призванія*, не можетъ быть и жертвы. Нельзя говорить: „Побѣгу и пожертвую“. Это нелѣпо. Все сводится къ слѣдующему: на службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся. Ибо самъ по себѣ человѣкъ ничего не можетъ творить, если не дано ему свыше. Укажу Вамъ на Иліодора, какъ на единственнаго изъ среди церковниковъ, который именно стоитъ на точкѣ зрѣнія „вѣры“. Про него одного я могу сказать: вотъ, дѣйствительно, человѣкъ, который любитъ, и почитаетъ, и чтитъ Православную Церковь ¹⁾.

Всего хорошаго. Жму руку.

Д. Х.

XV.

18 Декабря 1912 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письмо Ваше отъ 11 Дек. получилъ. Поздравляю съ хорошимъ смотромъ. Я радъ, что и рота и ротный командиръ получили благодарность. Мнѣ, какъ психологу, былъ интересенъ эпизодъ съ солдатомъ, упавшимъ въ обморокъ, и съ ротой, стоявшей „смирно“. Интересно потому, что, дѣйствительно, смирность роты доказываетъ хорошее воспитаніе. Она доказываетъ способность сосредоточиться на одномъ дѣлѣ—до забвенія всего остального. Въ этой способности не только суть всего военного дѣла, но и всякаго дѣла. Начальники и учителя слишкомъ часто забываютъ тотъ фактъ, что у нихъ нѣтъ никакой физической возможности „держать“ подчиненныхъ „физически“ (рукъ не хватаетъ—ихъ только двѣ), а есть и должна быть возможность держать людей „психически“. А это сводится къ собиранію *всѣхъ* психикъ въ одну точку. Слово „смирно“ значитъ, собственно, сборъ мыслей и вниманія. Слово

¹⁾ Впослѣдствіи Д. А.—чѣ измѣнилъ свой взглядъ на Иліодора, что видно изъ его письма къ Я. И. К.—чу отъ 30 марта 1914 г. См. „Письма князя Д. А. Хилкова“, вып. I, стр. 85. М. Н.

„вольно“—ропускъ въ пространство и того и другого. И вотъ, я думаю, что наличность мыслей объ упавшемъ есть уже дефектъ. Великій полководецъ именно и великъ тѣмъ, что онъ связываетъ и устремляетъ въ одну точку „вниманіе“ подчиненныхъ. Это же можно сказать и объ учителѣ, о педагогѣ.

И нужно для этого одно, и главное: самому быть способнымъ управлять *своими* мыслями и *своимъ* вниманіемъ. Отсюда и появилась поговорка о томъ, что, кто не умѣетъ подчиняться, никогда не научится командовать. Съ этой точки зрѣнія анархисты самые никчемные люди. Ни къ чему. Это типъ, страдающій „разбродомъ мыслей и вниманія“. Ихъ можно уподобить тѣмъ обезьянамъ, о которыхъ рассказываетъ Киплингъ въ Джунгляхъ. Я ничего противъ обезьянъ не имѣю. Но ими не восторгаюсь, и мнѣ опять-таки, какъ психологу, очень даже понятно отрицательное къ нимъ отношеніе прочихъ обитателей Джунглей.

Вопросъ воспитанія молодыхъ солдатъ и обращенія съ ними опять-таки сводится къ вышеупомянутой психологической задачѣ. Надо понимать, что „физика“—ничто. Все дѣло въ психикѣ.

Почему молодой солдатъ не умѣетъ ходить?

Потому что онъ *думаетъ*, что не умѣетъ. Въ данномъ случаѣ вѣрнѣе сказать, что онъ *ничего* не думаетъ. Черемъна обстановки совершенно порвала связь между внѣшнимъ и внутреннимъ. Изъ этого слѣдуетъ: 1) что надо ее возстановить;—это называется: дать ему „очухаться“, стать способнымъ вообще думать (какъ онъ думалъ прежде), „прійти въ себя“,—а 2) увѣрить его, что онъ отлично можетъ ходить—и ходить.

Обыкновенно случается, что „бездарные“ педагоги поступаютъ наоборотъ. Они все бранятся и толкуютъ ученикамъ, что они ничего не знаютъ. Всякій знаетъ, что если, дойдя до канавы, подумаетъ, что не перепрыгнетъ, то, дѣйствительно шлепнется на ея дно.

Завершеніемъ же всякаго воспитанія является нахожденіе высшей цѣнности и утвержденіе на ней.

Не всѣ это понимаютъ, а потому гоняются за невозможнымъ. Напримѣръ, воспитываютъ „храбрость“.

Воины должны быть готовыми отдать жизнь.

Но мы всѣ знаемъ, что на этомъ пути два неопределимыхъ

препятствія: чувство страха (инстинктъ самосохраненія) и второе — тотъ фактъ, что для человѣка самой цѣнной изъ всѣхъ физическихъ вещей есть его собственная голова.

Какъ же тутъ быть? А очень просто. Не гоняться за недостижимымъ. Не стремиться уничтожить въ человѣкѣ то, что не можетъ быть уничтожено, а *выставить* нѣчто болѣе цѣнное.

Для японца очень цѣнна его жизнь—но у него есть нѣчто *болѣе* цѣнное и драгоцѣнное: спокойствіе и довольство императора. А потому для японца просто *выгодно* отдать одно за другое.

Съ этимъ неразрывно связано чувство увѣренности въ достиженіи намѣченнаго.

Поэтому второе педагогическое правило сводится къ внушенію воспитываемымъ, что намѣченная цѣль непременно *будетъ* достигнута. Тогда является чувство, что *моя* капля меда (мои усилія, моя жизнь) никоимъ случаемъ не можетъ пропасть даромъ—бесплодно. Внушите эту увѣренность арміи, и вы побѣдите міръ. И замѣйте: это—мысли самыя простыя, обыденныя, всѣмъ понятныя.

Завязалась, скажемъ, война съ Австріей. И если вы *встѣмъ* внушите увѣренность, что никоимъ случаемъ не замирите до входа въ Вѣну, повѣрьте — черезъ мѣсяць будете тамъ. И что мнѣ тогда за дѣло, если меня убьютъ? Вѣдь *мы* (т. е., значить, и я) *будемъ* въ Вѣнѣ.

Шведы 20 лѣтъ „били“ Петра, но я увѣренъ, что его сподвижникамъ „грезилась“ Полтава. Зная его, они знали, что будетъ и Полтава.

Правда, люди теперь сбиты съ толку разными безнравственными ученіями о высшей и безусловной цѣнности личной жизни. Но мнѣ думается, что этотъ налетъ не трудно было бы смыть *чистой* водой высшаго духовнаго идеала.

Илюдора мнѣ жалко. Жалко, что человѣка *довели* до излишества. Излишество въ поступкахъ, словахъ и писаніяхъ. Я боюсь за него. Боюсь, что онъ окунется въ омутъ „либерализма“, что, конечно, вполнѣдствіи причинитъ ему немало душевныхъ страданій. Видно, ужъ такъ ему на роду написано: познакомиться и съ этой средой.

Всего хорошаго.

Д. Х.

XVI.

29 Декабря 1912 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, вчера отослалъ Вамъ длинное письмо, а сегодня получилъ Ваше отъ 25 декабря. Хочу написать Вамъ о „личной жизни“, т. к. хотя Вы совершенно правы въ томъ, что пишете, но я боюсь, что Вы не совсѣмъ меня понимаете и, можетъ быть, думаете, что я Вамъ противорѣчу. Буду очень кратокъ и только намѣчу ходъ разсужденія.

1) Я вѣрю въ безсмертную душу. Въ душу индивидуальную. У каждаго своя душа. И души отличны другъ отъ друга.

2) Это думаютъ, въ это вѣрятъ, многіе. Разногласіе наступаетъ, когда подымается вопросъ о томъ: откуда эта душа?

3) Есть три отвѣта на этотъ вопросъ:

а) Душа ребенка образуется изъ душъ его родителей, и этимъ, моль, объясняется переходъ „Адамова грѣха“ на дѣтей.

б) При каждомъ рожденіи Богъ творитъ „новую душу“.

Эти два отвѣта неудобны, ибо первый Творцомъ душъ признаетъ людей, ихъ похоть, второй — заставляетъ Бога быть въ подчиненіи той же похоти.

в) Третій отвѣтъ гласитъ, что души уже существовали — и только „воплотились“.

Теперь — св. Писаніе учитъ, что паденіе духовъ — душъ произошло до сотворенія міра. Значитъ, до сотворенія міра были „духи“, и они *пали*. Это состояніе „паденія“ называется *зломъ*. Изъ этого слѣдуетъ, что Богъ ограниченъ тѣмъ, что не Онъ. И мы это выражаемъ словомъ „личность“. Мы говоримъ о Личномъ Богѣ.

И вотъ, значитъ, мы получаемъ такое положеніе вещей: Богъ и много душъ. Душъ безсмертныхъ, *падшихъ*, *злыхъ*. Теперь представимъ себѣ, что Богъ не можетъ, или не хочетъ, ихъ уничтожить, а хочетъ ихъ исправить. Дать имъ возможность выйти изъ состоянія паденія — зла. Для этого Онъ творитъ міръ. Міръ является средствомъ, какъ для *обузданія*, такъ и средствомъ исправленія. Душа падшая „ввергается“ въ *матерію* и матеріей связывается и обуздывается. Въ процессѣ эволюціи матерія все больше и больше „дифференцируется“. Душа все больше и больше получаетъ способность „выявить себя“. Это большее „выявленіе себя“ называется „индивиду-

альностью". Она индивидуализируется. Съ этой точки зрѣнія „индивидуализація“ есть *идвалъ*, къ которому стремится душа ¹⁾).

Но Вы понимаете, какъ это трудно. Она связана условіями жизни. Напримѣръ: при этомъ ученіи мы обязаны смотрѣть на индивидуальность, на личность, какъ на самоцѣль. Мы не можемъ и не должны смотрѣть на личность, какъ на *средство*—для чего-то. А между тѣмъ всякая личность является средствомъ—ну, хотя для продолженія рода!

Теперь дальше. Слово „личность“ (отъ слова „личина“— „маска“) указываетъ, что есть нѣчто *подъ* маской. Нѣчто реальное, дѣйствительное — не искаженное. Значить, личность, это—нѣчто искаженное.

Я именно въ этомъ смыслѣ и употребляю это слово. Безсмертная индивидуальная душа воплотилась и этимъ „исказилась“. Она какъ-бы скрылась, погреблась во плоти. Въ какой? Въ подходящей для нея. Эту плоть дали родители. Стремленіе души воплотиться въ опредѣленную, ей нужную *плоть*—выражается въ родителяхъ тѣмъ, что мы называемъ: „половой любовью“. Половая любовь служитъ нуждамъ „души ребенка“ и часто „разбиваетъ“ жизнь родителей.

Дѣти любви, это — тѣ души, которыя получили ту плоть, попали въ тѣ условія, которыя для нихъ подходящи. Вотъ почему замѣчено, что они счастливы.

Личность, это—„временное“ условіе жизни — безсмертной, индивидуальной души.

И вотъ, поскольку оно временно, поскольку формально, поскольку плоть и условія жизни мѣшаютъ индивидуальности полно вывиться въ „личности“, постольку личность не имѣетъ цѣны.

Личная жизнь человѣка есть *кусочекъ* жизни—безсмертной, индивидуальной души. Она имѣетъ и можетъ имѣть смыслъ только въ связи съ общей жизнью этой души, т. е. съ прошедшимъ и будущимъ.

Безъ знанія того: откуда мы и куда идемъ, — жизнь личности бессмысленная.

¹⁾ Эти, равно какъ и послѣдующія, разсужденія князя Д. А. Хилкова отражаютъ на себѣ его тогдашнее увлеченіе оригенизмомъ, отъ котораго онъ впоследствии постепенно отрѣшался. Эти дуалистическія воззрѣнія въ корнѣ противорѣчатъ христіанскому міропониманію. М. В.

Когда я отвергаю цѣнность личной жизни, я именно это и хочу сказать. Я хочу сказать, что сама по себѣ, взятая безъ связи съ прошедшимъ и будущимъ, личная жизнь безцѣнна.

Ученіе, учащее противному, т. е. что личная жизнь сама по себѣ—безъ связи съ прошедшимъ и будущимъ—цѣнна, мнѣ представляется бессмысленнымъ и кромѣ того, по своимъ послѣдствіямъ, безнравственнымъ. Религія, философія, метафизика, идеи, принципы, идеалы—все это связываетъ личную жизнь съ индивидуальностью истинной и даетъ смыслъ личной жизни. Все это показываетъ, что взятая сама по себѣ личная жизнь бессмысленна.

Это абажуръ на лампѣ. Абажуры разныхъ цвѣтовъ и разной прозрачности. Мы не знаемъ „жизни“ *не* личной, но мы должны понимать, что свѣтитъ не абажуръ, а пламя лампы, и что абажуръ дѣло временное, а потому *само по себѣ* не цѣнное.

Понимая это, мы не будемъ зря колотить по абажурамъ, зная, сколько труда потрачено *душой* на свой „абажуръ“, но въ то же время будемъ правильно относиться и къ своему, и не будемъ имъ чрезмѣрно дорожить, и радостно отдадимъ, когда это будетъ нужно не ради чужихъ абажуровъ, а того идеальнаго свѣта, той жизни истинной, которая скрыта за абажурами, за личинами, за личностями. Мы должны „превозмогать“ личность и искать того, что за ней скрыто: свое истинное „я“. Или, если хотите, свою истинную индивидуальность, которая яко-бы погребена, скрыта и стѣснена личностью. И именно къ этому „я“ (а не къ личности) относятся слова: „познай самого себя“.

Насиліе одной воли надъ другой всегда хорошо и законно, когда это—„высшая“ воля, и когда подчиненіе ей не только добровольно, но и воспринимается какъ польза, какъ благо.

Чувство „восторженности“, „*благоговѣнія*“ передъ высшимъ—чувство живительное. И человѣкъ, и на этой землѣ, ищетъ не только „правды“, но и ея *носителей*. Ищетъ „высшихъ“. И, найдя ихъ, радуется. На ихъ „высотѣ“ онъ убѣждается, 1) что „высшее“ есть и 2), разъ есть и возможно, то и для него возможно; 3) значить, онъ не замухрышка, а *человѣкъ*.

Поэтому примѣръ Скобелева *облагораживаетъ* человѣка, и понятно, что и подчиненіе ему есть радость и утвержденіе *своего* благородства (также и примѣръ генерала Ноги).

Для мальчика, полковникъ—высшее существо: онъ радъ ему послужить. Трудность тутъ не для мальчика, а для полковника, который долженъ *остаться на высотѣ*. Долженъ *оправдать* мнѣніе о немъ мальчика, какъ о высшемъ существѣ. Если серьезно разберете этотъ примѣръ, то увидите, что обязательства, принимаемыя на себя полковникомъ вслѣдствіе того, что мальчикъ бѣжитъ *радостно* за папиросками,—куда труднѣе всякой бѣготни.

Полковникъ „заставляетъ“ мальчика бѣжать—трудиться надъ собой физически, а мальчикъ заставляетъ полковника *остаться на высотѣ*—итти *выше*, т. е. трудиться надъ собой „духовно“. Французы говорятъ „Noblesse oblige“, т. е. дворянство обязываетъ. Также „обязываетъ“ и всякаго въ „высшемъ“ положеніи. И думать, что тутъ одностороннее *насилие*, слишкомъ *поверхностно*, наивно и по сути дѣла *невѣрно*. Кому больше дано, съ того (жизнь, схема жизни, законъ жизни) больше и спрашивается.

Жму руку. Д. Х.

XVII.

17 Января 1913 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письмо Ваше отъ 7 числа получилъ. Мнѣ хочется написать нѣсколько словъ, чтобы по возможности устранить недоразумѣнія.

Первое, какъ мнѣ кажется, положеніе, которое надо имѣть въ виду въ вопросахъ философіи и метафизики, это то, что у cadaго своя философія, во-вторыхъ—что эта его философія зависитъ отъ его характера. Изъ этого слѣдуетъ, что самая крупная ошибка человѣка состояла бы въ томъ, если бы онъ принялъ несвойственную его характеру философію. Философія же, это—та сводка знаній и выводъ изъ нихъ, который осмысливаетъ для человѣка его жизнь.

Поэтому философія добывается не только изъ книгъ—гдѣ обнаружены типы ученій, соотвѣтствующіе разнымъ типамъ характеровъ,—а также и изъ всего жизненнаго опыта.

Это положеніе отрицаетъ возможность, въ смыслѣ „жизненности“, учительства.

Вы совершенно вѣрно указываете на недолговѣчность половой любви. Это мы и видимъ споконъ вѣка. Но это не значитъ *отчужденіе*, а значитъ какъ разъ *обратное*. Если

двое сошлись для дѣланія важнаго дѣла (*важность всякаго дѣла измѣряется степенью самоотреченности*), то всѣ данныя къ тому, чтобы послѣ окончанія дѣла установились хорошія, прочныя отношенія. И это *всегда* такъ и бываетъ, если не замѣшиваются сюда эгоистическія, самолюбивыя требованія личности, основанныя на благѣ не общаго дѣла, а личномъ благѣ.

Если у насъ есть реальное бытіе, и отношенія наши съ другими основаны на принципахъ и сущности реального бытія, то по самому опредѣленію *мы не можемъ* порвать съ ними отношенія.

Изъ этого слѣдуетъ, что извѣстныя группы людей, отношенія которыхъ *реальны*, всегда живутъ вмѣстѣ и всегда будутъ встрѣчаться. Случайныхъ встрѣчъ *не* бываетъ. Мы фактически не можемъ отдѣлаться отъ своихъ знакомствъ. Но мы расширяемъ ихъ въ каждой ¹⁾ жизни, т. е., другими словами, все больше и больше соприкасаемся со всѣмъ тѣмъ, что въ мірѣ. Любовь и благоволеніе тѣмъ и важны, что они устанавливаютъ болѣе широкую и всеобъемлющую связь.

У насъ наступили морозы, и выпало много снѣга. Я здорово простудился, и никакъ не могу поправиться. Вашъ братъ просилъ меня выслать ему Ледбитера и Безантъ, что я и исполнилъ.

Будьте здоровы. Крѣпко жму Вашу руку.

Д. Х.

XVIII.

30 Января 1913 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письмо Ваше отъ 24 числа получилъ.

Мнѣ стало лучше, но я все же не выхожу изъ комнаты, т. к. снова простудился. Дѣло, собственно, просто: отовсюду дуетъ, а я сижу безъ моціона и простуживаюсь. Я очень тронутъ Вашимъ безпокойствомъ, но, кажется, еще увидимся.

Послалъ Вашему брату книги, но отъ него не имѣю свѣдѣній: получилъ ли онъ ихъ. Если будете ему писать, спросите, пожалуйста. Я теперь читаю очень интересныя книги англійскихъ философовъ, о новомъ направленіи, такъ на-

¹⁾ Повидимому, и здѣсь проскальзываетъ оригенистическое ученіе о перевоплощеніи. М. Н.

зываемомъ „прагматизмъ“ и „гуманизмъ“. Это—реакція противъ рационализма и интеллектуализма.

Слово „прагматизмъ“ имѣетъ общій корень со словомъ практика.

А гуманистическая философія и гуманистическій методъ, это—соединеніе натуралистическаго научнаго метода съ методомъ отвлеченнымъ—раціоналистическимъ. Все Сущее разсматривается въ связи съ человѣкомъ, и человѣкомъ цѣльнымъ—его волей, чувствованіемъ и разумѣніемъ,—а не съ однимъ однобокимъ *только* „разумомъ“.

Это возвратъ къ древней философіи Протагора, котораго „заклевали“ Платонъ и Аристотель.

Протагоръ говорилъ: „Человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей“. Въ его духъ работалъ „прагматикъ“ Джемсъ и „открылъ“ религію.

Въ этомъ же направленіи теперь работаютъ многіе англійскіе философы и французъ Бергсонъ. (Творческая эволюція). На нихъ съ ожесточеніемъ нападаютъ рационалисты и интеллектуалисты, до сихъ поръ „владѣвшіе“ философіей.

Бергсонъ отводитъ разуму и логикѣ обширную область мертваго. Живое же, по его мнѣнію, не можетъ познаваться интеллектомъ и логикой; ибо свойство логики таково, что она оперируетъ „понятіями“, а понятіе есть мертвый отрѣзокъ отъ потока жизни.

Чтобы познать живое, надо „войти“ въ потокъ жизни и интуитивно схватить и познать живое.

Бергсона теперь много читаютъ. На дняхъ прочиталъ 2 главы и думаю, что, дѣйствительно, это—„новое слово“.

Всего хорошаго.

Д. Х.

XIX.

8 Февраля 1913 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ Ваше письмо отъ 4 февраля.

Пишу нѣсколько словъ, чтобы сказать, что книгу Бергсона покупать не стоитъ. Ужь если покупать, то лучше купить: „Прагматизмъ“ Джемса. Это болѣе *общая* книга.

Какъ будто „запахло“ весной, и надо уже готовиться къ посѣву. Выписывать сѣмена, черенки и т. п. Въ этомъ году хочу перепривить штукъ 20 старыхъ деревъѣвъ въ крону.

Началась случка кроликовъ. Заводъ довольно большой—31 самка и 17 самцовъ.

Очень бы хотѣлось часть ихъ держать на волѣ, но не знаю, удастся ли.

На селѣ начали рождаться телята отъ моего черного быка „Негро“.

Пока до свиданія. Сейчасъ ѣдутъ на станцію.

Всего хорошаго.

Д. Х.

XX.

19 Февраля 1913 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ Ваше письмо отъ 14 числа. У насъ опять холодно. Морозы до 16° и холодный вѣтеръ. Я въ хроническомъ состояннн „простуды“ и, вѣроятно, такъ и останусь до весны.

Мнѣ очень понравилась выписка изъ Эртеля. Мнѣ кажется—такъ оно и есть. Работа земледѣльца позволяетъ соприкасаться съ Истиной или Закономъ—непосредственно. Чувство и воля получаютъ удовлетвореніе. При другой дѣятельности посредникомъ является разумъ. Это ведетъ къ недоразумѣніямъ, превратнымъ толкованіямъ, сомнѣніямъ и т. п. Кромѣ того, мнѣ, лично, разумъ всегда представлялся—„въ своемъ первичномъ проявленнн“—врагомъ жизни. Я даже и формулу такую придумалъ. Задача, молъ, человѣка въ томъ: „какъ, при разумѣ и не отрекаясь отъ него, не утратить вѣры въ жизнь?“ Для людей всегда былъ страшнымъ камнемъ преткновенія вопросъ о происхожденн зла. Персы говорили: есть два бога: богъ добра и богъ зла. Пантеисты говорятъ: зла нѣтъ! Все добро: все богъ.

Но фактъ зла — все же фактъ. При всемогущемъ Богѣ любви—присутствіе зла трудно объяснить.

Теперь—въ Библии очень интересный намекъ на этотъ вопросъ. Только, чтобы понять этотъ намекъ или увидѣть его, надо придерживаться текста и не вносить „отсебятины“¹⁾. Библия говоритъ о происхожденн міра. Она говоритъ: былъ

¹⁾ Къ сожалѣнню, дальнѣйшее разсужденіе князя, опять въ духѣ дуализма, и есть та, „отсебятина“, отъ которой онъ предостерегаетъ другихъ. М. Н.

Богъ и былъ хаосъ (не *ничто*, а хаосъ). Этотъ хаосъ опредѣляется такъ: „*безвидная* и пустая земля. Бездна и тьма, и вода.

И Духъ Божій носился надъ этимъ.

Твореніе представляется какъ введеніе нѣкоего порядка въ это состояніе.

Изолагается, какъ вводился порядокъ. Появляется человекъ. У этого человека нѣтъ знанія. Онъ не отличаетъ добра отъ зла. У него закрыты глаза.

Въ Раю два древа: древо познанія и древо жизни.

Людямъ временно запрещено вкушать отъ древа познанія. Является „змій“ — символъ *разума*, и заставляетъ людей преждевременно вкусить. Это и есть грѣхопаденіе.

Теперь представьте себѣ *двухъ* тигровъ „злющихъ и кровожадныхъ“. Представьте себѣ, что кто-нибудь надѣлилъ бы одного изъ нихъ разумомъ. Что бы получилось? Получился бы ни болѣе, ни менѣе, какъ дьяволъ.

Если-бы люди стали сравнивать этихъ двухъ тигровъ и докапываться до того, что дѣлаетъ одного изъ нихъ особенно страшнымъ, то они увидѣли бы, что причина въ разумѣ. Это именно разумность тигра превратила его въ такое страшное и опасное существо.

Дѣло, конечно, не въ самомъ разумѣ, а въ томъ, что злое существо похитило это орудіе и заставило его служить своимъ цѣлямъ.

Что же было дѣлать Богу? Библия отвѣчаетъ: одно было средство: лишить „древа жизни“. Но подумайте: что это значитъ? Подумайте просто и безъ предубѣжденія. Вы увидите, что дѣло обстояло такъ: было существо „сверхъестественное“, злое и разумное. Существо непокорное. Существо, не могущее составить „общество“—цѣлое, гармоническое. Одинокое, злое и разумное.

Библия говоритъ, что единственный способъ обузданія такого существа состоялъ въ „приниженіи“ его способностей для зла. Отнятіи сверхъестественности. Заточеніи въ темницу плоти (матеріи). Лишеніи жизни сверхъестественной. И вотъ, сначала плоть—грубая, не податливая. Существо совершенно не можетъ проявиться черезъ нее. Но постепенно матерія становится тоньше.

Замѣтно параллельное развитіе матеріи и духа.

Это и будетъ эволюція міровая.

Такая точка зрѣнія ничѣмъ не противорѣчитъ наукѣ. И объясняетъ то, что наука констатируетъ.

Съ этой точки зрѣнія, „мозгъ“ есть то орудіе, то средство, которое *лишаетъ* насъ памяти о прошломъ нашемъ. Я говорю объ этомъ и привожу этотъ библейскій взглядъ, какъ интересную гипотезу. Я лично думаю, что она хорошо объясняетъ дѣйствительность и даетъ возможность рациональнаго объясненія многихъ необъяснимыхъ фактовъ.

Вы правы въ томъ, что говорите о статьѣ о С.

Конечно, она написана довольно односторонне, ибо въ ней я отвѣчалъ на то, что тогда говорилось о книгѣ.

Насиліе надъ собой я понимаю такъ: у каждаго человѣка „свой путь“ и „свои задачи“. Насиліемъ надъ собой я разумѣю отказъ отъ *своего* пути. Переходъ на чужой.

Стоя же на своемъ пути, человѣкъ долженъ всѣми своими высшими силами бороться противъ своихъ низшихъ стремленій. Но такая борьба не будетъ и не можетъ называться насиліемъ надъ собой. Напротивъ, это есть утвержденіе себя.

Все недоразумѣніе тутъ сводится къ тому, что написано въ главѣ III. Отвергается, что у каждаго *свой* путь. И выставляется обманъ о томъ, что на извѣстныхъ „другахъ“ путяхъ одна распущенность. Это ложь и неправда. На всякомъ пути—какой бы человѣкъ ни избралъ—есть борьба и преодоленіе зла и препятствій. И въ этомъ все дѣло. Возьмите монаха, военнаго и земледѣльца. У каждаго *свои* затрудненія. *Своя* борьба. *Свои* преодоленія. Насиліемъ надъ собой я называю искусственное оставленіе своего пути. Только на *своемъ* пути человѣкъ можетъ поступать такъ, какъ велитъ ему его *самость*, то наивысшее, что онъ знаетъ въ себѣ. Если онъ оставитъ свой путь, то жизнь предъявитъ ему такія задачи, которыхъ онъ самъ не будетъ въ состояніи рѣшить. Отсюда „разочарованіе“, „безвѣріе“, отказъ отъ жизни. Когда эти люди умираютъ, у нихъ чувство, что они „загубили свою жизнь“. И это воистину такъ. Ибо, оставивъ *свой* путь, они *этимъ* отказались отъ рѣшенія „*своихъ*“ задачъ, а пробовали рѣшать чужія. Поэтому они не могутъ перейти въ слѣдующій классъ. Отсюда и чувство загубленной жизни, т. е. потери времени попустому.

На это — самое серьезное возраженіе то, что большинство людей такъ незначительны, что у нихъ своего пути нѣтъ. А потому имъ не на чемъ стоять и некуда итти. Поэтому укажите имъ путь и убѣдите итти „хорошимъ путемъ“. Я отвѣчаю: такой взглядъ есть продуктъ самомиѣнія. И основанъ онъ на презрѣннн къ людямъ. Онъ въ корнѣ ложенъ. Ибо хотя люди, во времени и пространствахъ, не равны, но все же у каждаго свой путь, ибо у каждаго своя живая душа. Поэтому остерегайтесь презирать „одного изъ малыхъ сихъ“. Восемиклассникъ не равенъ третьекласснику. Но это не значить, что у третьеклассника нѣтъ *своей* задачи, *своего* пути.

Когда люди будутъ итти *своими* путями, то можетъ возникнуть и будетъ между ними „борьба“, но эта борьба будетъ къ добру, ибо 1) каждый руководится тѣмъ наивысшимъ, что въ немъ. А это наивысшее по существу Единое у всѣхъ людей; поэтому борьба эта по существу будетъ лишь борьбой за лучшее выраженіе этого Единого. 2) Побѣда „А“ надъ „Б“ не будетъ обидна для „Б“, ибо „Б“ будетъ знать, что „А“ побѣдилъ именно потому, что лучше выразилъ тотъ принципъ, которому вѣдь „Б“ служить и во имя котораго „воевалъ“. Конечно, ничего противъ больницъ не имѣю. Я хочу сказать, что если „Б“ слабъ и отброшенъ, то это „отбрасываніе“ должно быть пріятно „Б“, если онъ служить не себѣ, а принципу. Если я имѣю въ виду пользу не свою, а пользу службы, то я долженъ радоваться, если „мою роту“ дадутъ болѣе способному.

Я буду радъ, если мою статью прочтутъ. Мнѣ интересно, какое она впечатлѣніе произведетъ.

Недавно читалъ съ большимъ интересомъ книгу князя В. В. Барятинскаго: „Царь мистикъ“. Для меня нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что старецъ Фодоръ Кузьмичъ былъ, дѣйствительно, Императоръ Александръ I.

И мнѣ жалко, что это не объявлено. Ибо для народа — онъ, несомнѣнно, былъ бы святой, и это на много подняло бы престижъ царской власти.

Всего хорошаго.

XXI.

1 Марта 1913 года.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ оба Ваши письма, отъ 23 и 25 числа.

Книга Джемса, дѣйствительно, трудна для чтенія. Но мнѣ кажется, что тутъ дѣло не въ „пропасти“, а въ навыкахъ мысли. Просты мы — обыватели — не привыкли къ такому „ходу мысли“. Не къ самимъ мыслямъ, а къ пути мышленія.

Такую книгу надо прочесть нѣсколько разъ подъярьдъ, чтобы съ ней освоиться. Книга Бергсона—еще болѣе специальна.

Весна у насъ „наступаетъ“. Морозовъ уже нѣтъ. Свѣтитъ солнышко. Я уже выписалъ и получилъ сѣмена. Куры усиленно несутся, и вчера „на селѣ“ достали двухъ квочекъ и будемъ „садовить“. Продавъ въ Полтаву 8 кроликовъ, и еще есть требованіе туда же на 18.

Меня на дняхъ очень огорчило сообщеніе изъ Полтавской губерніи. Мѣстная учительница пишетъ: „два парня были отправлены въ приходскую церковь (за 2 версты) за хоругвями. Когда несли ихъ обратно, то пѣли непристойныя пѣсни, а потомъ начали хоругвями драться. Изорвали ихъ. Фонарь разбили. Полотенца на хоругвяхъ изорвали, а деньги, которыя должны были отдать въ церковь, пропили“.

Учительница называетъ это „хулиганствомъ“. Надо Вамъ сказать, что въ этой деревнѣ 20 л. существуетъ школа — т. н. „образцовая“.

Случай, конечно, „ужасный“, и тѣмъ болѣе ужасный, что онъ можетъ служить иллюстраціей къ общему состоянію того „разврата“, въ который быстро опускается деревня.

Для меня случай „ужасенъ“ еще и потому, что 22 года тому назадъ я „предсказывалъ“ такое состояніе. А нынѣ предсказываю „худшее“, если не одумаются и не примутъ мѣры.

То хулиганство, которое мы видимъ теперь, подготовлялось 25 лѣтъ.

Учительница предлагаетъ: „разумныя развлеченія“, „народные дома“ и т. п.

Все это, конечно, хорошо, но совсѣмъ не относится къ „предмету“.

Къ предмету относится: „твердая точка спора, на которой

было бы основано и построено *воспитаніе* подрастающаго поколѣнія“.

Развлеченія же или одно отрицательное (запрещеніе пьянства и т. п.), или никакого прямого отношенія къ „хулиганству“—какъ внутреннему настроенію—не имѣютъ.

Для воспитанія нуженъ примѣръ старшихъ и твердая точка, на которую были бы поставлены младшіе. Кромѣ военной среды нигдѣ этого нѣтъ.

Въ гимназіяхъ ч... знаетъ, что дѣлается.

Директора своимъ примѣромъ систематически развращаютъ учениковъ.

И опять-таки въ однихъ только военныхъ корпусахъ дѣло обстоитъ иначе. Я несказанно доволенъ, что мой младшій сынъ именно въ корпусѣ, да еще у самаго строгаго и въскательнаго (и къ себѣ и другимъ) ротнаго командира.

Я думаю, что для Васъ, какъ для будущаго учителя, большое счастье, что Вы попали на военную службу.

Мнѣ несказанно обидно это систематическое развращеніе массъ. Жалко этихъ „погибающихъ хулигановъ“. Ибо хулиганы эти не негры, и не съ луны упали, а тѣ же русскіе люди. И я не думаю, чтобы имъ отъ Бога было предопредѣлено быть „хулиганами“.

Всего хорошаго. Крѣпко жму Вашу руку. Д. Х.

XXII.

16 Марта 1913 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ Ваше письмо отъ 8 числа. На дняхъ заходила Ваша жена и Вашъ товарищъ, пріѣхавшій изъ Варшавы послѣ „странствованія“. Къ несчастью оставались только нѣсколько минутъ, т. к. я былъ занятъ съ пчелами, а они торопились засвѣтло домой.

Я тоже наблюдалъ связь хулиганства съ „шахтерствомъ“. Есть, конечно, и элементъ „молодечества“. И это-то и печально. Печально въ томъ смыслѣ, какъ печальны продѣлки Долохова („Война и миръ“) съ квартальнымъ: привязываніе квартальнаго къ медвѣдю. Думается, что „энергія“ Долохова можетъ быть исрасходована на вѣчто болѣе цѣлесообразное. Вотъ это-то находженіе для молодежи „болѣе цѣлесообразнаго“ и лежитъ на обязанности государства. А въ школѣ—на учителѣ и воспитателѣ.

Всѣ должны быть „введены“ въ государственныя оглобли и тянуть.

И тягота эта не должна быть „противной“. Когда она становится „противной“, то это указываетъ на дефектъ организаціи. Ибо человекъ есть „животное общественное“.

Мнѣ писала одна учительница, что нужны „разумныя развлеченія“. Мнѣ кажется, что тутъ развлеченія не при чемъ.

Тутъ дѣло похоже на дѣло раздачи „хорошихъ“ книжекъ. Въ Полтавской губ. еще норовятъ раздавать малороссійскія книжки. Я попросилъ учительницу узнать, сколько на селѣ книгъ, купленныхъ самими крестьянами. Оказалось, *два* штуки.

Это очень знаменательный фактъ.

Кромѣ того, надо еще принять во вниманіе и содержаніе книжекъ. Крестьяне, въ массѣ, если и желаютъ имѣть книжку, то книжку „серьезную“. А это значитъ—книжку „религіозную“. Старикамъ интересно, чтобы мальчикъ-школьникъ почиталъ „божественное“. Въ былое время масса крестьянъ интересовалась грамотой, какъ „свѣтомъ“. Теперь смотрятъ на грамоту, какъ на нѣчто способное дать лучшей заработокъ. Вывести въ паны.

Воспитательное значеніе ученія—совсѣмъ заброшено. Мнѣ часто приходится получать письма отъ бывшихъ „учениковъ“, и я удивляюсь тѣмъ „каракулямъ“, которыя они выводятъ.

30 лѣтъ тому назадъ крестьяне очень даже интересовались школой. И отлично знали, какой именно школы они хотятъ.

Они хотѣли школы—по типу церковно-приходской. Но настоящей, а, конечно, не такой, какая нынѣ существуетъ и ничѣмъ отъ земской или министерской не отличается. Крестьянъ не только не спросили, а заставили молчать и не вмѣшиваться *не въ „свое“ дѣло*.

Теперь мы пожинаемъ плоды этого.

Отношеніе крестьянъ къ учителямъ и учительницамъ въ общемъ—отвратительное. И какъ это ни печально, но вполне естественно. Ибо объ обученіи ихнихъ дѣтей ихъ не спрашиваютъ, и учатъ тому, чему они не сочувствуютъ и пользы чего не видятъ.

Продумайте все это, и Вы увидите, что „хулиганство“ есть плод всего этого.

Теперь обратите вниманіе на тотъ „обманъ“, который практикуется по этому вопросу.

Т. н. „правые“, распинаясь за церковно-приходскую школу, ни единымъ словомъ не обмолвятся о томъ, что *такой школы нѣтъ*, что существующая церковно-приходская школа—та же земская, и по духу и по методу, но гораздо хуже.

Т. н. „лѣвые“ по инерціи и по обязанности ругаютъ церковно-приходскую школу, но тоже молчатъ о томъ, что настоящей—истинной по духу и методу—церковно-приходской школы не существуетъ.

Получается сумбуръ. При этомъ и правые, и лѣвые ни единымъ словомъ не обмолвятся о томъ, что крестьяне въ массѣ совсѣмъ устранены отъ вопроса воспитанія и обученія ихъ дѣтей, а потому, естественно, совсѣмъ не интересуются этимъ вопросомъ, и не только не помогаютъ учителямъ и настоятелямъ приходоѡвъ, но мѣшаютъ имъ!

Масса нашего крестьянства православная и религіозная.

Безъ единенія съ родителями нельзя ни воспитывать, ни обучать. Изъ этого слѣдуетъ, что школа должна быть или религіозно-православная, или вовсе не существовать.

Подъ руководствомъ мѣстнаго настоятеля, при участіи учителей надо бы собирать крестьянъ-родителей и бесѣдовать съ ними. Спрашивать ихъ и внимательно относиться къ ихъ желаніямъ и указаніямъ.

Вотъ въ чемъ я вижу единственную серьезную мѣру борьбы съ нарождающимся въ деревнѣ хулиганствомъ.

Для кончившихъ курсъ—воскресная школа съ чтеніями и пѣніемъ. Кружки—опять-таки подъ руководствомъ мѣстнаго настоятеля.

Въ этихъ кружкахъ патріотическія чтенія. Исторія родины. Свѣдѣнія о замѣчательныхъ людяхъ. Свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ. И мнѣ думается, что такіе кружки молодежи обоего пола имѣли бы большое вліяніе на нравственность всего селенія.

Въ этомъ я вижу основу и *первый шагъ* къ оздоровленію деревни.

И еще я думаю, что безъ этого—никакія мѣры „строгости“ не помогутъ.

И еще я думаю, что такъ какъ предлагаемый мною путь, дѣйствительно, ведетъ къ оздоровленію массы и къ возможности того, чтобы она осознала себя *русской*, то никогда мѣры, мною предлагаемая, не будутъ приняты. Ибо противъ нихъ будутъ всѣ господа: и правые, и лѣвые. Ибо какое этимъ господамъ дѣло до православнаго русскаго народа?

Меня заинтересовало то, что Вы пишете о службѣ. Напомнило мнѣ мою и совпадаетъ съ моимъ опытомъ. Дисциплина не можетъ и не должна уменьшать самостоятельности. Для этого долженъ быть строго очерченъ „кругъ дѣятельности“, и надо поддерживать и развивать самостоятельность подчиненныхъ въ ихъ „кругѣ“. Объ этомъ всѣ *говорятъ*. Но рѣдко кто исполняетъ.

Нравственный авторитетъ начальника всецѣло покоится на его собственномъ отношеніи къ службѣ.

Строгость „полезная“ вполнѣ точно прямо-пропорціональна тому баллу, той аттестаціи, которую дали бы подчиненные о своемъ „строгомъ“ начальникѣ. Начальникъ, котораго подчиненные аттестуютъ, какъ „служаку“, въ 2 балла, *не можетъ* быть строгимъ на 5 балловъ. Никакой нѣтъ отъ этого пользы—одна „досада“ и, строго говоря, „подрывъ дисциплины“.

Команда „смирно“—очень важная команда. Надо, чтобы къ ней относились съ „интересомъ“. Смотрѣли, какъ на „дѣло“ (а не отсутствіе всякаго дѣла). Интересъ же поддерживать долго нельзя. Поэтому нельзя *долго* держать людей на *смирно*. Это ошибка обучающаго.

Лучше со вниманіемъ *учиться* $\frac{1}{4}$ часа, чѣмъ безъ вниманія цѣлый часъ. Кромѣ того, надо чаще высказываться объ успѣхахъ ученія, т. е. не только порицать, но и хвалить за то, что достойно похвалы. Это придастъ интересъ самому „скупчому“ ученію.

Письмо вышло длиннымъ. А то написалъ бы еще на эту тему. Всего хорошаго.

Д. Х.

XXIII.

26 Апрѣля 1913 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, оба Ваши письма получилъ. Что-то помѣшало мнѣ сейчасъ же отвѣтить, и такъ

и осталось. Это послѣднее время сѣяли и очень безпокоились о всходахъ, т. к. не было дождя. Земля высохла и потрескалась, и все чахло. На прошлой недѣлѣ пошелъ дождь, и наступили холода. И теперь еще холодно при жестокомъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Сады цвѣтутъ, а пчеламъ приходится сидѣть въ ульяхъ. Вообще, весна не благопріятна. Яблокъ будетъ очень мало. Груши и вишни хотя и цвѣли сильно, но еще неизвѣстно, будутъ ли плоды.

На дняхъ прочелъ двѣ интересныя книги. Хотѣлъ ихъ послать Вамъ, но у меня ихъ взяли для прочтенія. Одна, это—„Наука побѣждать“ Генералиссимуса Суворова. Другая—„Исповѣдь“ Наживина. Если Вамъ разрѣшатъ ихъ купить, то купите. (Посылаю переводомъ деньги на ихъ покупку).

„Исповѣдь“ состоитъ изъ 3-хъ частей: 1) Исповѣдь, 2) Обреченный (Императоръ Александръ I) и 3) Воспоминанія о Толстомъ.

Эти воспоминанія интересны. Я думаю, что „Обреченный“ написанъ по матеріаламъ, собраннымъ Толстымъ. Да и „духъ“ этого писанія совершенно толстовскій. Наживинъ не вѣритъ, чтобы старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ Имп. Александръ I. Я же, прочитавъ книгу В. В. Барятинскаго „Царь мистикъ“, убѣжденъ въ томъ, что старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ Императоръ Александръ I.

Наименѣе интересна „Исповѣдь“, но все же она наводитъ на мысли. Изложена искренно и правдиво, и потому часто опровергаетъ тѣ толстовскія положенія, которыя хочеть защитить.

Недавно мнѣ также прислали книгу (пер. съ англійск.) Энджеля „Великое заблужденіе“.—Это противъ войны. Чѣмъ больше живу на свѣтѣ, тѣмъ больше прихожу къ заключенію, что всѣ такія проповѣди достигаютъ какъ разъ обратнаго результата.

Здѣсь та же исторія, что и съ наказаніями за отказъ отъ воинской повинности или за отпаденіе отъ вѣроученія и т. п.

Если я смотрю на военную службу, какъ на „болото“, то, конечно, самъ сидя въ болотѣ, буду наказывать всѣхъ тѣхъ, которые не идутъ въ болото.

Если же я смотрю на военную службу, какъ на честь и

благо, то совершенно противоестественно для меня наказывать тѣхъ, которые по своей глупости (по-моему) отказываются отъ этой чести и блага. Если я предлагаю человѣку 1000 рублей, а онъ не беретъ, неужели же я буду его за это бить?

При заразѣ людей разными „гуманитарными идеями“ вмѣсто „честнаго война“ на сцену является „дипломатъ“ и „шпіонъ“.

Является обманъ и подсиживание. Простота и ясность теряются. Въ военной области вмѣсто „честнаго боя“—являются „марши и контръ-марши“. Угрозы и „запугиванія“:

Если купите и прочтете книгу Суворова, то увидите, насколько самое отношеніе Суворова ко всему военному въ корнѣ отличается отъ нынѣшняго отношенія.

Или прочтите приказы Скобелева.

Скобелевъ терялъ людей въ бою. А нынѣшніе „стратеги“ теряютъ ихъ отъ „тифа“, отъ голода, холода и рваныхъ шинелей и сапогъ. У Скобелева лошадей убивали, а у нынѣшнихъ стратеговъ онѣдохнуть отъ безкормицы, ибо сѣно и овесъ обмѣняли на % бумаги и эти бумаги „спрятали въ банкъ“.

Шпіонство и дипломатія, т. е. всякаго рода обманъ, это—„поправка на малодушіе“. Измалодушествовавши, люди вносятъ „поправки“. Вотъ австрійцы „искусные дипломаты“. И это понятно, ибо ихъ не били только тѣ, которые съ ними не воевали. Но я не вижу никакой причины для другихъ народовъ тянуться за австрійцами въ „дипломатическомъ искусствѣ“.

Хаосъ въ жизни, о которомъ Вы говорите, происходитъ единственно вслѣдствіе извращенія коренныхъ законовъ жизни.

Люди почему-то вообразили, что жизнь должна быть безопасной, легкой, пріятной и т. п. Это абсурдъ и противорѣчіе въ терминахъ.

Жизнь, это—„служеніе“ и „обязанность“. Это—непрестанная борьба въ томъ смыслѣ, что требуется преодоленіе того, что мѣшаетъ служенію. Причемъ наша временная оболочка, наша личность, есть вещь совершенно малоцѣнная. При такомъ отношеніи къ себѣ и жизни—все станетъ на мѣсто. Все получить смыслъ и значеніе, и человѣкъ непременно найдетъ въ жизни благо.

При обратномъ отношеніи къ себѣ и къ жизни, при представленіи, что я, моя личность есть глава угла, что она дѣяна сама по себѣ (а не какъ орудіе служенія), и что жизнь—„пикникъ“ и „удовольствіе“, непременно—для „думающихъ“—все представится въ видѣ „хаоса“ безсмысленнаго. А какъ иллюстрацію своей мысли укажу Вамъ на положеніе на Шипкѣ, въ то время, когда Радецкій доносилъ: „На Шипкѣ все спокойно“. Это и есть „жизнь истинная“ и отсутствіе какого-либо хаоса.

Всего хорошаго.

Д. Х.

XXIV.

26 Сентября 1913 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, недавно писалъ Вамъ. Сегодня получилъ Ваше письмо отъ 23 сентября. Очень одобряю Ваше намѣреніе поступить на мѣсто и соглашаться на работу—хотя бы и тяжелую, не „интеллигентскую“.

Вездѣ можно служить и работать честно и добросовѣстно.

Только мнѣ думается, что Вамъ все же слѣдуетъ съѣздить домой и повидать семью. На сей-то предметъ и посылаю Вамъ немного больше денегъ, чѣмъ Вы упомянули въ письмѣ. Мнѣ думается, что свиданіе съ семьей придастъ Вамъ силы и бодрости.

Если на посылаемыя деньги нельзя съѣздить домой, то напишите мнѣ. Я вышлю еще. Мнѣ очень хочется, чтобы Вы повидали семью. А насчетъ работы, службы, мѣста, я думаю, что ротный командиръ могъ бы Вамъ помочь. Я бы Вамъ совѣтовалъ обратиться къ нему и попросить содѣйствія.

Всего хорошаго. Послѣ Покрова собираюсь въ Селещину (южныхъ жел. дорогъ). Пишите туда на мое имя. Всего хорошаго.

Д. Х.

XXV.

9 Января 1914 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письмо Ваше получилъ. Книгу Даля получилъ и прочелъ съ большимъ интересомъ. Что меня больше всего поразило въ этой книгѣ, это—тотъ фактъ, что ритуальныя убійства несомнѣнно „покрывались“

начальствомъ, что родители и родственники убитыхъ нигдѣ не могли найти защиты и правосудія. Меня еще поразила однородность приѣма, употребленнаго въ дѣлѣ Бэйлиса, съ тѣмъ приѣмомъ, который, какъ оказывается, всегда употреблялся. А именно: приѣмъ хватанія „жалующихся“, „потерпѣвшихъ“, приѣмъ обвиненія тѣхъ, кто жалуется.

Ужъ одна эта однородность заставляетъ задуматься. И какъ въ Велижѣ замѣшаны „негодныя бабы“, близко стоящія къ евреямъ, такъ и тутъ имѣется негодная баба „Чебырячка“, близко стоящая къ Бэйлису.

И еще интересно: подобно тому, какъ въ Велижѣ „розыскъ“ находится въ рукахъ евреевъ, такъ и въ Кіевѣ оказывается, что весь сыскъ находится въ рукахъ евреевъ, и не знаешь, гдѣ кончается сыскное отдѣленіе, и гдѣ начинается редакция „Кіевской Мысли“. Принимая все это во вниманіе, принимая во вниманіе и то, что, какъ оказывается, въ Россіи были десятками убиваемы дѣти, и „дѣла“ всегда „прикрывались“, нельзя не радоваться тому, что въ Кіевѣ дѣло дошло до гласнаго разбора. Нельзя не видѣть, какихъ трудовъ это должно было стоить, и какъ много препятствій должно было быть преодолено.

За учительскимъ съѣздомъ я не слѣдилъ. Читалъ о странныхъ выступленіяхъ „украинцевъ“. Я считаю это правительственной затѣей. Это дѣло искусственное и „противонародное“, и *безъ поддержки* правительства не могло бы существовать. Правительство оказываетъ этому движенію не прямую поддержку, а косвенную. Косвенную поддержку оно оказываетъ троякую: 1) оно препятствуетъ массѣ народа сказать свое мнѣніе насчетъ нелѣпости этого движенія; 2) оно искусственно поддерживаетъ Австрійско-жаргонную газету „Раду“, тѣмъ, что оберегаетъ ее отъ всякой конкуренціи; 3) оно своимъ раболѣпиемъ передъ Австріей даетъ поводъ многимъ недоумкамъ, оторваннымъ отъ своего народа, лепѣть идиотскія мечтанія.

У правительства большая сила, и само собою разумѣется, что, при его содѣйствіи, можетъ быть надѣлена мнимой жизненностью всякая нелѣпица и мертвечина. У нашихъ администраторовъ нѣтъ чутья Великой Россіи, и потому они предполагаютъ, что „украинцы“, т. е. народъ окраинный, *также не имѣетъ* этого чутья. Они думаютъ, что особен-

ность, скажемъ, Павловскаго полка, его „боевое“ отличіе должно состоять въ томъ, чтобы всѣ солдаты были курносими. О „духъ полка“ они ничего не знаютъ. Такъ же они ничего не знаютъ о томъ народномъ духѣ, который создалъ Великую Единую Россію. Совершенно въ томъ же положеніи и увлекающіеся „хлопцы“ учительскаго съѣзда. Но что „мило“ и „позволительно“—хлопцу, то никакъ не позволено управителю.

Но мнѣ смѣшно, когда я подумаю, что и администраторы, и хлопецъ—не отдавая себѣ въ этомъ отчета—стоятъ совершенно на *одинаковой* точкѣ зрѣнія.

Ихъ „нутро“ одинаково. Одинаковость заключается въ томъ, что *нелѣпица кажется имъ возможной*. Разница только въ томъ, что одни утверждаютъ эту нелѣпицу — призываютъ и желаютъ—это хлопцы. А другіе отрицаютъ ее.

И нѣтъ того, чтобы сообразить — „почуять“, что это нелѣпица, что это противоестественно.

Вотъ, и получается неразбериха и искусственная *поддержка* нелѣпицы. И хлопцы все же умнѣй, ибо разсуждаютъ естественно и вѣрно. „Если,—говорятъ они,—„мудрые“ старцы боятся этой нелѣпицы, значитъ — это не пустое мѣсто, не бредни а нѣчто реальное, „возможное“.

А „мудрые“ старцы очень не умны. Имъ жизнь народа столь же мало извѣстна, какъ жизнь жителей луны. Они не понимаютъ, какъ и какимъ образомъ преломляются въ сознаніи массъ разные факты и событія. Во-первыхъ, они думаютъ, что народъ „быдло“. И гораздо глупѣй и бессознательнѣй скотины. Они не понимаютъ, что если на базарахъ, дѣйствительно, не говорятъ о „дипломатическихъ *нотахъ*“, то суть и корень всякаго дѣла прекрасно чувствуется.

Есть такой безошибочный „градусникъ“, который показываетъ состояніе массы и ея отношеніе къ текущей дѣйствительности. Но надо умѣть „читать то, что обозначаетъ этотъ градусникъ“. А для этого средство *одно*, и только *одно*: „быть русскимъ“. А наши „мудрые старички“ не русскіе. *Вотъ, и вся бѣда*. И бѣда *единственная*. И вотъ я, сидя у себя на хуторѣ и смотря сбоку и безъ волненія, говорю старичкамъ: чего вы сердитесь на хлопцевъ окраины? Вы упрекаете ихъ въ сепаратизмъ? Ну, а сами-то вы развѣ русскіе? Развѣ вы

сами *не отдѣлились* отъ единого и нераздѣльнаго народа? Такъ въ чемъ же дѣло? Чего вы шипите?

Только замѣтите, милые старички, слѣдующее: Когда дѣло дойдетъ до дѣла, когда, дѣйствительно, придется жизнью отстаивать единство Россіи и престоля..., то, вѣдь, эти *хлопцы пойдутъ съ народомъ* и отдадутъ жизнь за *Отечество* — единую Россію и Престоль, а вы, милые старички, убѣжите въ Берлинъ.

Наши хлопцы „блудные“ сыны. Но все же сыны, которые вернутся къ отцу и матери, а вы намъ чужіе. А что вы говорите „жалкія“ слова и бьете себя въ грудь, то какое намъ до этого дѣло? Многое еще будетъ впереди, и дѣло покажетъ, гдѣ кто стоитъ: подъ Австрійской державой или Русскимъ Царемъ?

Повторяю: когда всѣ силы „старичковъ“ направлены на то, чтобы заглушить голосъ русскаго народа, то, само собой понятно, происходитъ неразбериха.

Всего хорошаго.

Д. Х.

XXVI.

5 Мая 1914 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, только что получилъ Ваше письмо. Пишу нѣсколько словъ, т. к. болить глазъ. Я думаю, что перемѣна жизни такъ и должна была нарушить равновѣсіе на нѣкоторое время. Я объ этомъ думалъ до полученія Вашего письма.

Теперь въ Петербургѣ миссіонеромъ тотъ Павловскій священникъ, съ которымъ Вы познакомились у меня—Николай Викторовичъ Чепуринъ.

Я ему писалъ о Васъ и спрашивалъ, можете ли Вы къ нему зайти. Онъ написалъ, что будетъ очень радъ. Только надо его предупредить заранѣе — хоть по телефону, — и онъ скажетъ, когда будетъ дома. Адресъ его: Васильевскій Островъ, 17 линія, домъ № 70, кв. № 27. Телефонъ: 121-73.

Непремѣнно зайдите къ нему. У него славныя дѣти. А видъ дѣтей—лучшее лѣкарство въ Вашемъ „разсѣянномъ“ состояніи.

У отца Николая бывають бесѣды съ сектантами — пойдите на бесѣды!

Какъ поживаетъ Ваша семья? На-дняхъ буду посылать въ Глушково за присохами и скажу, чтобы провѣдали Вашу семью.

У насъ уже все поспѣваю, но только погода не радуется.

Да, вотъ еще: я написалъ опытъ толкованія притчи— Лук. XVI.

Это писаніе у отца Николая. Если Васъ интересуешь, прочтите и напишите мнѣ свое мнѣніе.

Всего хорошаго. А главное, не увывайте. И пойдите непременно къ Ник. Викт. Чепурину.

Крѣпко жму Вашу руку. Д. Х.

Передайте, пожалуйста, мой привѣтъ отцу Николаю и всему его семейству. У него удивительная дѣтвора.

Когда мнѣ тоскливо и тяжело, то часто мысли объ этой дѣтворѣ возстановляютъ равновѣсіе.

P. S. Напишите мнѣ про свое мѣсто.

XXVII.

5 Юля 1914 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, оба письма Ваши получили. Не отвѣчалъ такъ долго потому, что сперва времени не было изъ-за массы чепухи и мелкихъ заботъ, а потомъ утерялъ Вашъ адресъ.

Это очень хорошо, что Вы побывали у Н. В. Ч.

Вы совершенно правы въ томъ, что пишете о „жестоко-сердіи“ священника. Это—Иудейская закваска. Съ своей—Иудейской—точки зрѣнія они совершенно правы, и людямъ здѣсь дѣлать нечего. Перерожденіе сердца, это—тайна. Тайна между тварью и Творцомъ. Меня, да и многихъ, постоянно смущаетъ и соблазняетъ масса „неподходящаго“. Напримѣръ инквизиція, Соловки, стяжаніе монаховъ, „пышность“ епископовъ и т. п.

Никакіе доводы не способны примирить съ этимъ. Но повѣрьте, что настанетъ время, когда все это утратитъ всякое значеніе. Настанетъ время, когда человѣкъ почувствуетъ и осознаетъ, что все это нисколько до него не касается и никакого отношенія къ его отношенію къ христіанской Церкви не имѣетъ.

Черезъ это хулится Имя Божіе въ народѣ.

И вотъ, мы „заступаемся“ за Имя Божіе. Именно, этого и не надо дѣлать. Ибо, вѣдь, и инквизиторы дѣлали именно это.

Вмѣсто того, чтобы самимъ смотрѣть за собой, они смотрѣли за другими.

Но возможно ли это на извѣстной плоскости, извѣстномъ уровнѣ? Могу ли я, напримѣръ, установить Ваше отношеніе къ Богу? Не есть ли это исключительно Ваше личное дѣло?

У меня къ Вамъ просьба. Пожалуйста, купите для меня №№ 4 и 5 за 1914 г. журнала „Голосъ минувшаго“.

Тамъ исповѣдь бывшаго священника Н. А. Толстого.

Пришлите, пожалуйста, въ Бѣлополье, наложеннымъ платежемъ.

Медъ уже качали. Выкачали около 110 пудовъ. Можетъ быть, еще будетъ медъ. Дождя у насъ все нѣтъ, хотя ночи прохладныя, а потому не за жаривается. Яблокъ очень много.

Пока до свиданія. Крѣпко жму руку. Д. Х.

XXVIII.

8 Августа 1914 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письмо Ваше изъ Жлобина получилъ. Надѣюсь, Вы уже на мѣстѣ и вошли въ колею.

Я не видѣлъ проводовъ запасныхъ, но могу вообразить. Все это совершенно естественно и понятно.

Если-бы этого не было, если-бы всѣ были „стойками“, то людямъ нечему было бы учиться, а слѣдовательно не нужны были бы тѣ условія, которыя создаются войной. Въ послѣднемъ подсчетѣ страданіе и испытаніе личности направлены къ тому, чтобы уяснить ей, что нѣтъ для нея жизни внѣ коллектива. „Хаотическая“, неспособная къ единенію индивидуальность приводится условіями жизни къ необходимости единенія. Индивидуальность приводится къ сознанію, что ея страданія—личныя—имѣютъ смыслъ и значеніе только съ точки зрѣнія блага коллектива. Наиразумнѣйшее объясненіе этого даетъ Церковь, ибо одна только Церковь, при такой точкѣ зрѣнія, не умаляетъ значенія личности.

Страданія военнаго времени велики. Но я утверждаю, что, въ общемъ, страданія народа, взятаго въ цѣломъ, не увеличиваются.

Совершенно какъ во время холеры. Общее количество смертей въ данномъ народѣ не увеличивается. Разница только въ томъ, что вмѣсто того, чтобы умирать отъ „разныхъ“ причинъ—большинство умираетъ отъ холеры.

Кромѣ того, во время войны страданіе и горе распространяются на плечи тѣхъ, которые въ „мирное“ время болѣе или менѣе „застрахованы“. Во время войны эти „счастливики“ несутъ свою долю страданій народа.

Но дѣло въ томъ, что во времена мирныя легко закрыть глаза и не видѣть страданій—хроническихъ — коллектива. Въ военное время такое закрытіе глазъ невозможно.

Упала Силоамская башня и задавила людей. Неужели вы думаете, что эти люди были грѣшнѣе другихъ? Нѣтъ. И, если не покаетесь, всѣ погибнете.

Разразилась война, и погибли сотни тысячъ. Неужели вы думаете, что эти погибшіе были грѣшнѣе другихъ? Нѣтъ! И, если не покаетесь, всѣ погибнете.

Если Промыслъ Божій допускаетъ паденіе Силоамской башни и войны, то само собою понятно, что это должно служить причиной покаянія. Причиной исправленія ошибокъ.

И я знаю, и вижу, что тѣ народы, которые встрѣчаютъ войну и относятся къ ней въ религіозномъ настроеніи, всегда извлекаютъ пользу изъ такихъ, посылаемыхъ имъ Промысломъ Божиимъ, испытаній.

Теперь о личной опасности. Во-первыхъ, хорошо усвойте себѣ, что вызовъ Петра Христомъ изъ лодки—фактъ. Также фактъ и то, что Петръ шелъ по водѣ, пока не усомнился,

Положивъ этотъ фактъ въ основу, я утверждаю слѣдующее: во время сраженія Вы можете обезопасить себя и окружающихъ Васъ *молитвеннымъ* настроеніемъ.

Основа и фундаментъ этого настроенія въ слѣдующемъ: „Да будетъ воля Твоя“, и второе: вѣра въ то, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы Вашей безъ воли Отца.

Примѣните это на дѣлѣ, и Вы, изъ личнаго опыта, убѣдитесь въ томъ, что я правъ. Вы убѣдитесь въ томъ, что *молитвенное настроеніе*, дѣйствительно, является защитой и покровомъ противъ физической опасности.

Пусть каждое Ваше дѣло и поступокъ будетъ такого рода, который Вы сможете „защитить и оправдать“ передъ престоломъ Божиимъ.

Вѣдь, тѣмъ и дорога война и „смертельная“ опасность, что тварь становится какъ бы передъ лицомъ Творца.

Конечно, это—всегдашнее положеніе твари, но дѣло въ томъ, что въ обыкновенное время это чрезвычайно легко упускается изъ виду *по чувству*, хотя объ этомъ и *говорится*. И хотя для *втрующаго* смертельная опасность на войнѣ вовсе не больше, чѣмъ въ Глушковѣ, но дѣло въ томъ, что почувствовать это всѣмъ существомъ, проникнуться этимъ—весьма трудно въ мирное время. На войнѣ же это возможно. Другими словами, „война и сраженіе“, это—такое время и такія условія, при которыхъ для cadaго человѣка слегка проясняется то „тусклое стекло“, черезъ которое мы нынѣ видимъ тайны бытія.

Очень надѣюсь, что это письмо дойдетъ до Васъ. Пишите почаще и дайте свой адресъ. До свиданія. Всего хорошаго.

Крѣпко жму Вашу руку.

Д. Х.

Сообщилъ М. Новоселовъ.
